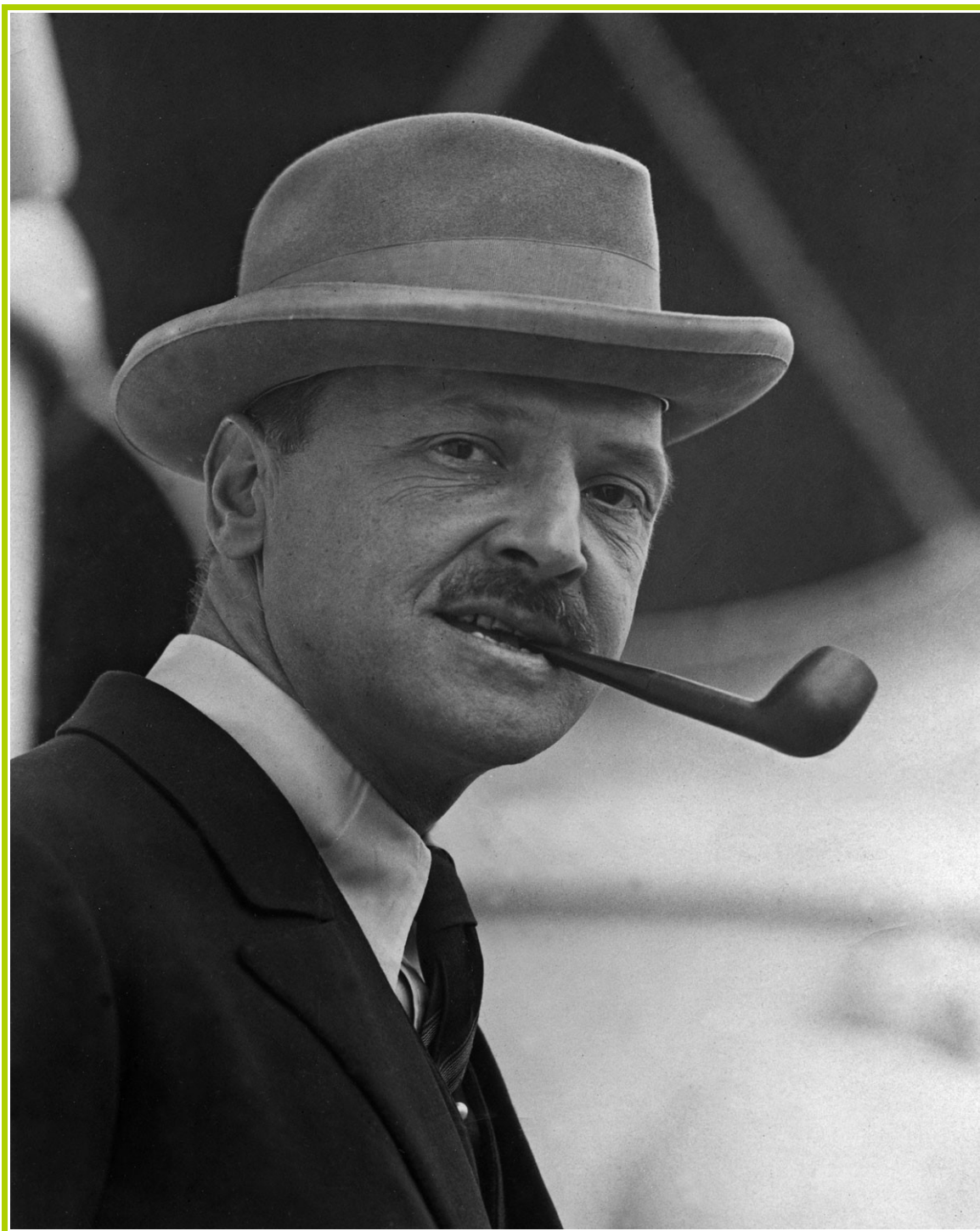

У.С. Моэм
(1874-1965)

Долгая жизнь — подарок судьбы или кара? Если бы этот вопрос задали Уильяму Сомерсету Моэму, думаю, что он бы затруднился с ответом. Прожив 90 лет, он едва ли когда-либо был по-настоящему счастлив, но всегда стремился хоть на йоту приблизиться к тому, что называют счастливой жизнью.

Он был богат, но его мало кто любил. Он много писал и много печатался, но критики говорили, что он пишет крепко, ремесленно, а вот настоящего таланта у него нет.

Незадолго до смерти Моэм судился с собственной дочерью, а своего секретаря, прослужившего у него больше 30 лет, оплакивал весьма трепетно.

Он был женат, но в течение многих лет после развода не мог не то, что видется, даже слышать о бывшей жене. Он шел на любые ухищрения, чтобы в стране, где великого Оскара Уайльда посадили в тюрьму за гомосексуализм, все же оставаться верным себе и своим чувствам...

Каким же все-таки был Сомерсет Моэм? Что делало его счастливым? Что сделало его несчастным? Чем он жил, и что оставил нам?

Уильям (это имя он не любил и предпочитал пользоваться вторым) Сомерсет Моэм — один из тех, кого можно назвать англичанином и джентльменом в полном смысле этого слова. Всегда безупречный и элегантный, умеющий в любой ситуации держать себя в руках. Однако родился он вовсе не в Англии, а во Франции. Моэм был четвертым сыном в семье юриста британского посольства во Франции. Родители специально подготовили роды на территории посольства, чтобы ребенок имел законные основания говорить, что родился на территории Великобритании: ожидалось принятие закона, по которому все

дети, родившиеся на французской территории, автоматически становились французскими гражданами и, таким образом, по достижении совершеннолетия подлежали отправке на фронт в случае войны. Так что родители спасали новорожденного Вилли от возможных будущих боевых действий, но не спасли от другого...

Когда Уильяму исполнилось восемь лет, его мать ждала пятого ребенка. Увы, младенец умер на следующий день после рождения, а через неделю умерла миссис Моэм. Вилли остался без матери, и эта первая трагедия произвела на него столь сильное впечатление, что и через пятьдесят лет, когда его дочь была беременна пятым ребенком, он с недовольством говорил, что четверых детей для семьи вполне достаточно.

Вскоре умер и отец. Болезненного впечатлительного мальчика больше некому было любить. Ребенка отправили жить к родне, в Англию, в семью священника.

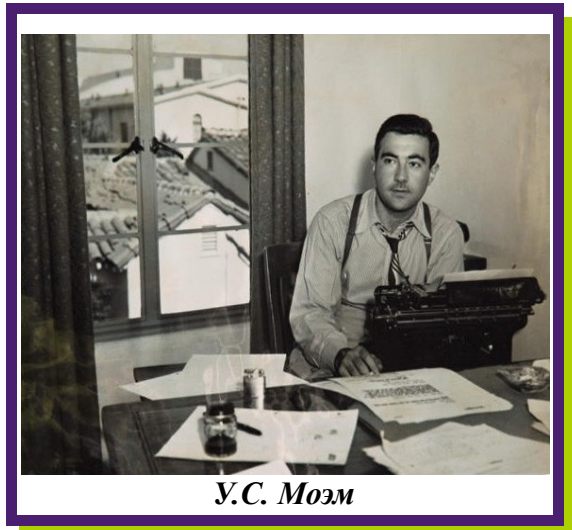
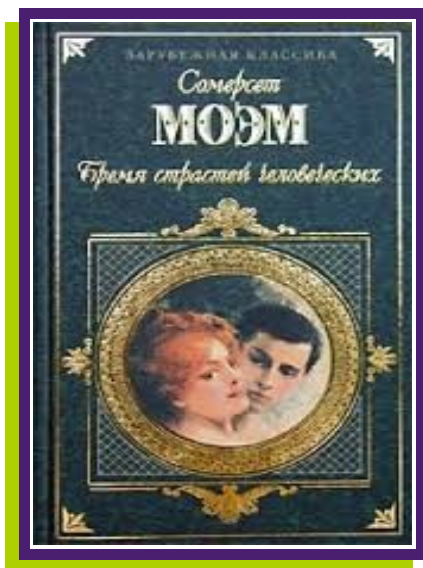

Детство в Париже

Нельзя сказать, чтобы жилось там будущему писателю плохо, но именно в то время Моэм по непонятным причинам стал заикаться, и этот недуг остался с ним на всю жизнь.

Об этом периоде его жизни можно получить представление по романам «Бремя страстей человеческих» и «Пирог и пиво». В первом воссозданы переживания раннего вечного мальчика, одинокого среди грубоватых здоровых сверстников и в доме родственников-пуритан. Во втором выведен самоуверенный и самодовольный подросток, неглупый, наблюдательный, зараженный всеми предрассудками своих провинциальных родных — викария и его жены, чванливый и робкий одновременно.

Семья дяди хотела, чтобы Моэм или учился в Оксфорде, или пошел служить. Ему не хотелось ни того, ни другого. Он мечтал стать писателем, но признаться в этом у него не хватило сил. В итоге он выбрал профессию врача, решив что одновременно с медицинской практикой будет практиковаться и на литературном поприще. Так и случилось: все свободное время он посвящал тому, что писал. Он не рассуждал о том, если у него талант, для него достаточно было только желания.

У.С. Моэм

Первым произведением, получившим успех у публики, стала «Лиза из Ламберта». Роман был основан на впечатлениях, полученных во время медицинской практики в бедном квартале Лондона. После этого Моэм решил оставить врачебную карьеру и заделаться профессиональным писателем. Ему было 24 года.

В литературу он пока еще толком не вошел, зато в литературной жизни Лондона участвовал активно. Регулярно посещал наиболее известные литературные салоны... Молодого,

энергичного, увлекающегося, любопытного литератора стесненные средства не останавливали. Он был обаятелен, общителен, остроумен, превосходно и неустанно танцевал, одинаково хорошо играл в бридж, гольф и сквош, ухаживал за женщинами, заводил полезные знакомства.

Литературу Моэм любил и знал как никто. Его познания во всех жанрах европейской словесности практически универсальны. Такая свобода владения материалом объясняется просто: писатель любил читать.

«Чтение для меня отдых, как для других — разговор или игры

в карты. Более того, это потребность, и если на какое-то время я остаюсь без чтения, то выхожу из себя, как морфинист, оставшийся без морфия. По мне, лучше читать расписание поездов или каталог, чем ничего не читать».

Он утверждал, что именно чтение научило его ставить перед собой цели и добиваться их. В литературу он пришел самоучкой, первые свои произведения оценивал как стилистические упражнения. Пьесы начинающий автор сочинял легко, проза же требовала упорства.

«Диалог давался мне без малейших усилий, но когда дело доходило до описаний, я запутывался во всевозможных подвохах. По несколько часов я мучился над двумя-тремя фразами и не мог с ними сладить. Я решил, что научу себя писать. К несчастью, помочь мне было некому. Я делал много ошибок. Будь рядом со мною руководитель... это сэкономило бы мне много времени» .

Помогло опять-таки чтение.

Он написал несколько пьес. Они не сразу попали на сцену, но, попав, прочно на ней обосновались. Самая первая, «Муж и жена» (1903), особого успеха не имела, но когда светская комедия «Леди Фредерик», написанная в 1904 году, целый год продержалась с аншлагом, судьба Моэма определилась твердо и окончательно. Другие его пьесы, в том числе созданные ранее, тоже нашли постановщиков, и в 1908 году в четырех лондонских театрах одновременно шли четыре разные пьесы драматурга. На одной из карикатур тех лет изображен Шекспир, изнывающий перед набором афиш о спектаклях по пьесам Моэма.

Как не любил Моэм искусство, как не был ревнив к своему ремеслу писателя, жизнь для него была выше искусства, важнее.

Если в карьере Уильяма все складывалось хоть и медленно, но неплохо, то с личной жизнью все было гораздо сложнее. В 1886 году королева Виктория одобрила поправку к Закону о повсеместном надзоре за моралью. Поправка гласила:

«Любое лицо мужского пола, которое публично или в частном порядке принимает неестественные действия по отношению к другому мужчине, является соучастником подобных действий или поощряет их по отношению к себе, считается виновным и подлежит суду, с последующим тюремным заключением сроком до двух лет с принудительными работами или без оных».

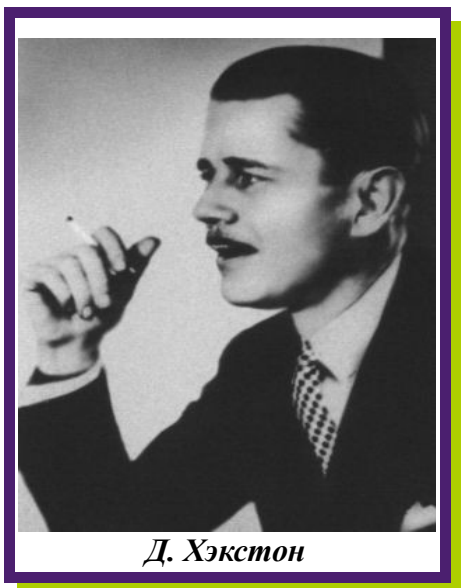
Все это настолько напугало Моэма, который к этому времени уже понял,

что интересуется мужчинами гораздо больше, чем женщинами, что он стал еще тщательнее скрывать свои пристрастия. Проведя свою долгую жизнь рядом с мужчинами, которых он любил, Моэм ни разу нигде и никогда не дал официального подтверждения тому, что является гомосексуалистом. Он вынужден был скрывать свои отношения. И зашел в этом так далеко, что... даже женился. Моэм был практикующим бисексуалом. В старости он почти открыто признал:

«Моя самая большая ошибка заключалась в том, что я воображал себя на три четверти нормальным и только на четверть гомосексуалом, тогда как в действительности все было наоборот».

В 1911 году Моэм, к тому времени уже довольно успешный писатель, познакомился с Сарой-Луизой Вэлком. Он нашел её привлекательной, но не более того. А вот она влюбилась по-настоящему. Сара обладала характером, который сегодня назвали бы «пробивным», и вскоре их роман с Моэмом уже дошел до той стадии, когда она стала настаивать на общем ребенке. Писатель, скрепя сердце, согласился. Но первая беременность Вэлком закончилась выкидышем.

А в 1914 году началась война.

Моэм всегда с теплотой вспоминал об своей армейской службе, хотя и считал, что его вклад в победу на войне был ничтожно мал. И все же на войне произошло одно из главных событий в его жизни: на Фламандском фронте он познакомился с Джеральдом Хэкстоном, который будет его секретарем, другом и любовником на протяжении более чем тридцати лет.

Но пока на войне у Моэма завязывался роман, в Англии его ждала вновь беременная Сара. Возможно, именно сплетение всех этих событий: война, беременность не очень-то любимой женщины и новая влюбленность, - дали Моэму силы написать один из лучших его романов «Бремя страстей человеческих». Роман вышел в 1915 году одновременно в Англии и в Америке. Приняли его не очень хорошо: война — не лучшее время для появления «романа воспитания». Да и Сара родила дочь, которую назвали Лизой, в честь «Лизы из Ламберта», а не сына, как хотелось Моэму. Все это вызывало его крайнее недовольство. Его брак с Сарой-Луизой был голым расчетом для обеих сторон. Сара получала респектабельного мужа и отца для Лизы, Моэм - «прикрытие» от слухов о его романах с мужчинами.

После войны Моэма отправили в Женеву, где он занимался... шпионажем. Хотя он всего лишь был посредником, передавал инструкции из Лондона местным агентам, ему все же удалось «вынести» из этой деятельности несколько рассказов, вошедших в сборник «Эшенден, или британский агент». В

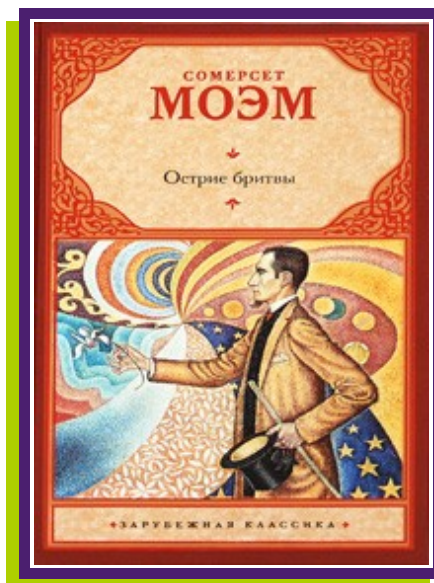
него, в частности, вошли рассказы, основанные на российских событиях 1917 года с явной автобиографической подоплекой. Главным героем был писатель-разведчик, попадавший в непредсказуемые драматические ситуации и, конечно, с блеском выходящий из них. Руководители английских секретных служб отнеслись к этим рассказам настолько серьезно, что рекомендовали их как учебную литературу для будущих разведчиков.

В свое время Моэм побывал с секретной миссией в России, где ему было поручено уговорить Временное правительство продолжать военные действия и выяснить, как страны Антанты могут помочь ему удержаться у власти. Увидел он тогда в России мало, разобравшись в увиденном не смог, что неудивительно, но трагизм и грандиозные масштабы происходящего, его изначальную непохожесть на все, что бывало когда-то в истории западных стран, ощутил каким-то шестым чувством о чем говорят «русские» страницы «Эшендена», объединенные впоследствии Моэмом в большую новеллу, получившую название «Рубашки мистера Харрингтона». Это помогло Моэму прочувствовать дух справедливости, поднявший народ на Октябрьскую революцию. Писатель утверждал:

«...только слепой может не увидеть, что жизнь пролетариата в больших городах — сплошная нужда и неурядица. Трудно примириться с тем, что у людей нет работы, что сама работа так уныла, что они, а с ними их жены и дети, живут впроголодь и впереди их не ждет ничего, кроме нищеты. Если помочь этому может только революция, тогда пусть будет революция, и поскорее... Я не сомневаюсь, что пролетариат, все яснее осознавая свои права, в конце концов, захватит власть в одной стране за другой... Если то, что произошло в России, повторится у нас, я постараюсь приспособиться...»

После того как Моэм обзавелся семьей, он по-прежнему пользовался полной свободой. Оставлял жену с дочкой в Лондоне, а сам путешествовал. Побывал в Греции, Египте, Испании, Швейцарии, Малайзии, на Яве, в Бирме, Китае... Да где он только не был! Он колесил по свету в поисках новых впечатлений и сюжетов для своих романов, рассказов и пьес. Моэм ведь никогда ничего не выдумывал, все его сюжеты фактически подсмотрены в замочную скважину. Он несколько месяцев прожил на Таити, чтобы написать свой роман о Гогене «Луна и грош».

Если спор о главенстве между искусством и жизнью Моэм однозначно решал в пользу последней, то вопрос вопросов - «что такое вообще жизнь и есть ли в ней какой-то смысл» - занимал его на протяжении всего творческого пути. Но больше

всего писатель размышлял об этом в самом известном своем романе «Острие бритвы», написанном в 1944 году.

Моэм был удивительным писателем. Ему вообще было свойственно из любого мало-мальски значимого события, из любого общения, из любого нового знакомства черпать сюжеты. Интерес к человеческой природе жил в нем всегда, а неожиданность поведения и поступков людей лежит в основе многих, рассказанных им историй. Однако не все его произведения имели успех. Он очень переживал по этому поводу. Невзирая на внешнюю независимость, Моэм очень трепетно относился к общественному мнению.

Моэм с женой С.-Л. Вэлком

Но вернемся к его жизни. Сара со временем доставляла ему все больше хлопот. Она жаловалась, что он не уделяет ей внимания, тогда как Моэм считал, что она не вправе требовать этого. Ее злило, что он купил себе виллу на Ривьере и уехал туда с Джеральдом Хэкстоном, которого Сара терпеть не могла. Однако вскоре она успокоилась и даже открыла собственное дело по дизайну интерьеров. К удивлению Моэма лавка ее процветала, и он радовался этому, так как жена была при деле и больше не утомляла его.

Через несколько лет супруги окончательно разъехались. Развод же произошел только через 10 лет после свадьбы. Во время развода Сара стала так раздражать писателя, что и в течении многих лет после этого события он не мог

даже слышать ее имя.

Моэм богател. Еще в 1928 году он купил виллу на французской Ривьере. В течение сорока лет писателю помогали около 30 слуг. Однако фешенебельная обстановка не расхолаживала его - ежедневно он работал в своем кабинете, где писал не менее 1500 слов. Моэм всегда ставил письменный стол напротив глухой стены, чтобы ничто не отвлекало от работы. В его доме часто бывали знаменитости - Уинстон Черчилль, Герберт Уэллс, Жан Кокто, Ноэль Кауард, и даже несколько советских писателей. Его литературные заработки позволяли ему жить по-королевски, а его слава — общаться даже с королевскими особами. Его романы продавались все лучше, по его пьесам ставились спектакли.

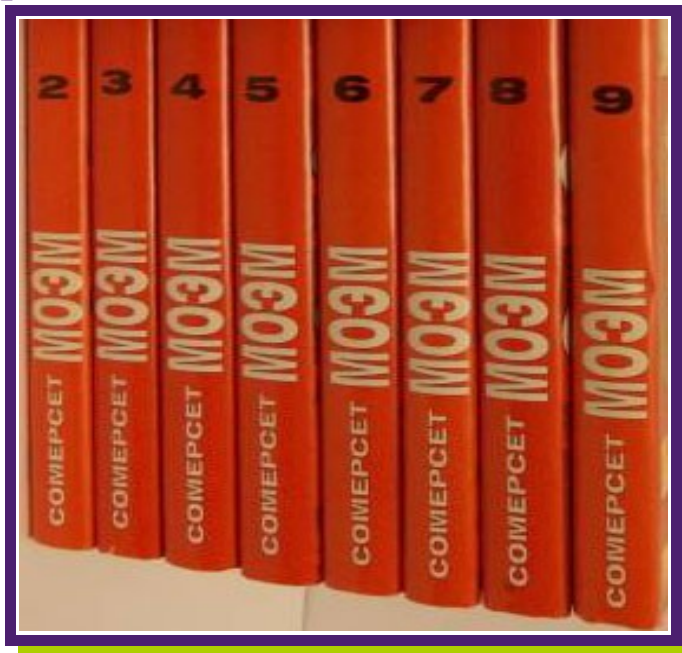

У.С. Моэм и У. Черчилль

Он много путешествовал и ... становился все больше снобом. Гостям на его

вилле, которых всегда было превеликое множество, приходилось все труднее — за одно неточное слово можно было получить ледяной взгляд хозяина и предложение освободить комнату для следующего гостя. Несмотря на свое богатство, Моэм был скуповат. В общении с людьми был высокомерен. Свое писательское отношение к окружающим он определил так:

«Люди всегда меня мало интересовали сами по себе, а лишь с точки зрения их пригодности в качестве материала для моей работы».

Его творчество продолжало пополняться пьесами, рассказами, романами, очерками и путевыми книгами. К 1940 году Сомерсет Моэм уже стал одним из самых известных и богатых писателей английской художественной литературы. Моэм не скрывал того факта, что пишет *«не ради денег, а для того, чтобы избавиться от преследующих его воображение замыслов, характеров, типов, но, при этом, отнюдь не возражает, если творчество обеспечивает ему, помимо*

прочего, еще и возможность писать то, что он хочет, и быть самому себе хозяином».

В 1947 году писатель утвердил «Премию Сомерсета Моэма», которая присуждалась лучшим английским писателям в возрасте до тридцати пяти лет. В июне 1952 года в Оксфорде Моэму вручают почетную степень доктора литературы, а в мае 1961-го — памятный знак Королевского литературного общества «Кавалер литературы» и звание почетного сенатора Гейдельберга «За безупречное изображение человеческого характера». После 1948 года Моэм оставил драматургию и художественную прозу, писал эссе, по преимуществу, на литературные темы.

Если где-то Сомерсет Моэм и был счастлив, то на Ривьере, потому что там он жил вместе с Джеральдом, который, несмотря на свои отвратительные привычки (он много пил, играл и изменял Моэму) находился всегда рядом, что бы не случилось.

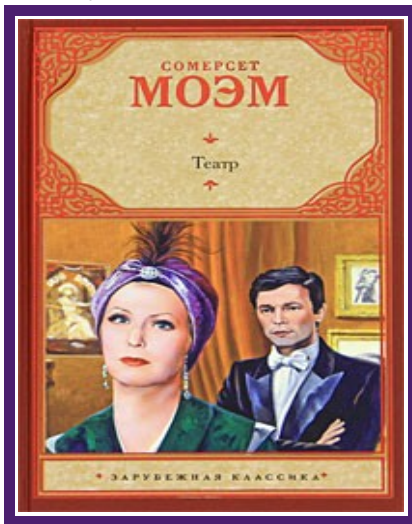
И когда Джеральд, которому было всего пятьдесят (самому Моэму исполнилось уже 70), умер, писатель горячо оплакивал его. Когда ему позвонят по телефону и скажут, что Хэкстон умер, он резко бросит в трубку: «Я не желаю вас слышать! Я никого не хочу видеть. Я хочу умереть». Он не знал как жить дальше.

Вскоре у Моэма появился новый секретарь — Алан Сирл, намного моложе его самого. Как и Хэкстону, Сирлу были свойственны авантюризм и азарт, но, в отличие от Джералда, он был не агрессивен и не навязчив и, главное, покорен: Моэма и тогда, и много лет спустя он слушался беспрекословно, ни в чем ему не перечил.

Серл неустанно перепечатывал на машинке рукописи Моэма, разбирал поступавшие к нему бесконечным потоком (особенно в дни юбилеев)

письма и телеграммы, проверял и оплачивал счета (не обсчитывая при этом, в отличие от Хэкстона, хозяина). А также заказывал билеты на поезда и пароходы, осуществлял постоянный и кропотливый надзор за садом и виллой — одним словом, был совершенно незаменим, стоял, точно образцовая жена, между Моэмом и жизнью. И при этом вынужден был терпеть с каждым годом ухудшавшийся нрав хозяина, который в старости нередко впадал в бешенство, оскорблял своего покорного и незлобивого секретаря, мог — бывало и такое — даже дать волю рукам. ...

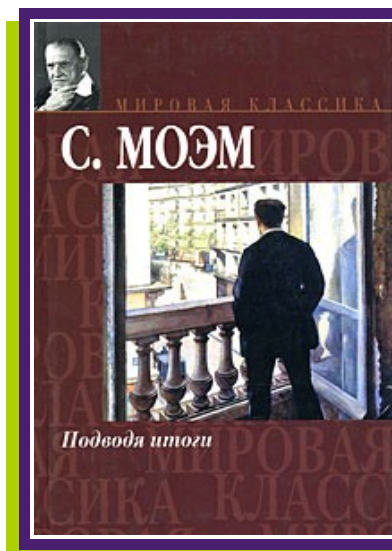

Желание самому сказать о себе правду, развеять домыслы, клубившиеся вокруг его имени, было, возможно, одним из стимулов, подвигнувших Моэма на книгу «Подводя итоги», в которой он с предельной откровенностью поведал о себе и своих взглядах на жизнь, искусство и писательское ремесло.

С бывшей женой Моэм так и не помирился. Даже ее смерть не заставила его сказать о Саре одно доброе слово...

Чем старше Моэм становился, тем меньше он писал. Хотя следует отметить, что более поздние его произведения имели наибольший успех. Чего стоит один лишь великий «Театр», переживший не одну сотню постановок. Женоненавистник Моэм, казалось, простил женщин. Достаточно вспомнить с какой любовью он описывает Джулию Ламберт — главную героиню «Театра».

Лиза, дочь писателя

А вот с дочерью Лизой, с которой он всегда поддерживал теплые отношения, незадолго до своей смерти поругался. Чтобы избежать налога на наследство, Моэм еще при жизни превратил свою виллу в корпорацию и записал акции на Лизу. После этого ему стало казаться, что Лиза и ее муж Джон ходят по дому и составляют опись имущества. Разумеется, это было не так, но он вдруг ощутил себя чужим в собственном доме и даже судился с Лизой, пытаясь отсудить часть своей знаменитой коллекции картин...

Немногие оставшиеся друзья говорили, что Моэм выжил из ума. Тогда еще не умели определять на ранних стадиях болезнь Альцгеймера, но теперь можно говорить, что Моэм страдал именно этим недугом. Он забывал и путал людей и лица, стал жадным, мелочным и скандальным. Его боялись приглашать в гости и смущались приходить к нему, потому что любой гость рисковал тем, что его с позором выгонят из дома.

Незадолго до смерти писатель упал в своей спальне без сознания. Через несколько дней, 16 декабря 1965 года, он умер в больнице.

В последние годы своей жизни Моэм совершенно не боялся смерти. Он сказал как-то одному из своих друзей:

"Смерть, как и запор, например, лишь одна из банальностей, очень часто встречающихся в жизни человека. Так стоит ли ее так уж бояться?" Умирая сказал:

«Умирать — скучное и безотрадное дело. Мой вам совет — никогда этим не занимайтесь».

Похоронили его на территории Королевской школы, где он учился в юности, - так он просил сам. Не было ни гимнов, ни религиозных обрядов. Человек, всю жизнь рассказывавший другим истории, предпочел умереть молча.

Он был мудр. В «великие» не рвался, но не страдал и от ложной скромности. Трезвость его суждений, суждений человека без иллюзий, самоочевидна, и когда он заявляет, что лучше любого критика понимает пределы, поставленные его таланту, ему можно поверить на слово. Он не обольщался на собственный счет, размышляя над тем, что именно делает художника не просто мастером, но великим художником, мастером на все времена:

« Мне кажется, что гениальность — это сочетание природного творческого дара и особой способности художника видеть мир совершенно по-своему и в то же время с такой широтой, что он находит отклик не у людей того или иного типа, но у всех людей. Его личный мир — это мир обыкновенных

людей, только обширнее и богаче. Он обращается ко всему человечеству, и даже когда люди не вполне понимают его слово, они чувствуют, что оно полно значения».

Говорить правду о том, что хорошо знаешь, было для Моэма главной творческой заповедью.

«Что изменилось бы на свете, не существуй меня совсем?» - спрашивал он незадолго до смерти. Теперь время ответило со всей определенностью: все стало бы беднее на несколько мудрых, интересных и нужных книг, оставленных Уильямом Сомерсетом Моэмом. Завидный итог.

10 цитат Уильяма Сомерсета Моэма

- В революции на поверхность поднимается пена общества, негодяи и преступники.
- Жизнь слишком коротка, чтобы делать для себя то, что могут для тебя сделать за деньги другие.
- Вот поистине ирония жизни: то, к чему мы стремимся, оказывается лучше, когда оно достигнуто не полностью.
- Когда мужчина достигает возраста, в котором уже нельзя служить чиновником, садовником или полицейским, считается, что он как раз созрел для того, чтобы вершить судьбы своей страны.
- Любовь умирает. Величайшая трагедия жизни состоит не в том, что люди гибнут, а в том, они перестают любить
- Слово «любовь» означает две разные вещи: просто любовь, то есть страсть, и милосердие
- Только мужчина, уважающий женщину, может расстаться с ней, не унижая ее.
- Деньги — это шестое чувство, позволяющее пользоваться остальными пятью.
- Каждый из нас одинок в этом мире. Каждый заключен в медной башне и может общаться со своими собратьями лишь через посредство знаков. Но знаки не одни для всех, а потому их смысл темен и неверен. Мы отчаянно стремимся поделиться с другими сокровищами нашего сердца, но они не знают, как принять их, и потому мы одиноко бредем по жизни бок о бок со своими спутниками, но не заодно с ними, не понимая их и не понятые ими. Мы похожи на людей, что живут в чужой стране, почти не зная их языка; им хочется

выразить много прекрасных, глубоких мыслей, но они обречены произносить лишь штампованные фразы из разговорника. В мозгу их бурлят идеи одна интересней другой, а сказать эти люди могут разве что: «Тетушка нашего садовника позабыла дома свой зонтик».

● — Люди больше всего на свете любят наклеить на другого человека ярлык, который раз и навсегда освобождает их от необходимости думать.

Творчество У.С. Моэма широко представлено в фонде отдела художественной литературы библиотеки УлГТУ (главный корпус библиотеки, 2-ой этаж).
Приходите!